

Ленинская смена, Алматы, 1972, 28 марта

смешных, грустных и веселых, больших и эпизодических.

В годы войны в алма-атинском ТЮЗе режиссером работал Виктор Сергеевич Розов (он тоже приехал в Алма-Ату после ранения на фронте). Этим двум людям — Наталье Ильиничне Сац и Виктору Сергеевичу Розову я прежде всего обязан тем, что стал актером. Тогда никто еще не знал, не думал, каким блестящим драматургом станет впоследствии Розов, но режиссером уже тогда он был первоклассным.

В 1954 году я перешел в русский театр драмы имени Лермонтова и с тех пор играю

Доры Павловой «Совесть», и сложнейшая роль Шута в «Короле Лире», и роль Дзержинского в пьесе Шатрова «Шестое июля», и роль Дон-Кихота в пьесе «Дон-Кихот ведет бой», а сейчас — в «Человеке из Ламанчи».

Все работы невозможно перечислить, да видимо, и не стоит этого делать.

Конечно, каждый человек, если он избирает профессию по влечению души, если он отдает ей всю свою жизнь, считает ее самой-самой важной. И все-таки, не боясь показаться банальным, утверждаю: профес-

соре игры — средства выражения могут быть очень разными, все зависит от самого спектакля, индивидуальности режиссера, актеров и так далее. Но самое важное — спектакль должен прежде всего быть по-настоящему гражданственным. Нужно, чтобы актер находился в самом центре понимания современной жизни. Все устаревшие проблемы зрителя не волнуют, это касается и классики. Не механически приспосабливать классику под проблемы сегодняшнего дня, а находить в пьесах и героях прошлого мысли и чувства, созвучные нашим современникам, не выискивать, а

ДЫХАНИЕ ЗРИТЕЛЬНОВОГО ЗАЛА

**Юрий ПОМЕРАНЦЕВ,
народный артист КазССР**

Моя творческая биография связана с Казахстаном, с Алма-Атой. Мальчишкой ушел на фронт Великой Отечественной, но в 1942 году, когда после тяжелого ранения меня демобилизовали, я приехал в Алма-Ату, стал артистом... хора нашего оперного театра. А немного позже пришел в ТЮЗ, первый театр для детей и юношества Казахстана, который организовала замечательный человек, видный советский театральный деятель Наталья Ильинична Сац.

И вот в этом театре мне была поручена первая драматическая и очень серьезная роль — роль Волка в «Красной шапочке». «Входить в образ», сами понимаете, было трудновато, но роль и в самом деле интересная и, если хотите, сложная. Потом было много спектаклей и много ролей — серьезных и

в этом театре. Актер сам себя не видит и не слышит. Во время репетиций его главный судья и зритель — режиссер. И в русском театре драмы мне тоже повезло — режиссеры А. Л. Мадиевский, М. В. Сулимов во многом мне помогли. С удовольствием я работал и с народным артистом СССР Е. Я. Дюриным (он ставил много спектаклей). Хочется отметить и молодого нашего режиссера Ирину Далинченко.

За эти годы в нашем театре было много спектаклей — разнотипных, глубоких, интересных. На роли, которые доверяли мне играть, грех обижаться. Это и образ старого интеллигента Сартакова в страстной партийной пьесе

с актера — особенная. Ведь играя разные роли, мы каждый раз сталкиваемся с новым характером, новыми мыслями и чувствами. И если хоть когда-нибудь зритель тебя понимает, ты счастлив. В кино актер лишен самого ценного — он не слышит дыхания зрительного зала. Чувствовать это дыхание, находить живой отклик в сердцах сотен незнакомых людей — это ли не великое счастье? И большая драма для актера, когда зрительный зал его не понимает. Сейчас много спорят о современном театре, современной манере игры. Мне кажется, тут никаких канонов не существует. Современность — не в каких-то внешних ходах, не в той или иной ма-

находить! Не меняя структуры пьесы, в каждую эпоху раскрывать ее по-новому.

Мне очень нравятся мысли Г. Товстоногова о том, как важно, чтобы зритель, уходя после спектакля, не только воспринимал внешний его пласт, но чтобы — «на потом, впрок» в зрителе откладывались те чувства, которые не лежат на поверхности.

А для того, чтобы зажигать зрителя, актер сам должен иметь горячее, ищущее сердце. Либо всего себя отдавать театру, либо ничего не получать.

Горячее сердце плюс работа. Ежедневная, ежечасная. Кто-то из великих пошутил: в искусстве трудно первые 99 лет, дальше уже будет легче. Вот этого никто из нас не должен забывать.